

родного хозяйства». Тем не менее «мозгам» уделялось огромное внимание.

Для меня символом той эпохи является «профессорский дом» на Комсомольском проспекте, 49. До сих пор это один из самых комфортных и престижных для проживания домов. Заметная архитектура, надёжная, на века, постройка. Просторные квартиры с высокими потолками, предусмотрены комнаты для прислуги, и почти из каждой квартиры — «чёрный ход» во двор. Каждая деталь демонстрирует глубокое уважение к учёным.

КАЖДЫЙ РЕКТОР ДЕЛАЕТ ПЕРЕСТАНОВКУ — ВИДИМО, ИЩЕТ СВОЙ УГОЛ В ЭТОЙ КРУГЛОЙ, БЕЗ УГЛОВ, КОМНАТЕ...

При этом надо представить себе послевоенную Пермь. Я очень хорошо знаю по рассказам родителей, что здесь происходило. Разруха, голод. Мой отец работал на авиамоторном заводе, был соратником Швецова. На снимках тех лет видно, что даже эти люди, входящие в элиту оборонной промышленности, натурально голодали — выглядят, как скелеты. И в конце 1940-х государство строит шикарный дом для учёных. То есть их ценили, на них рассчитывали.

Наконец, послевоенная Пермь отличалась от других городов ещё и тем, что давала учёным невиданные для той поры возможности. Здесь действовало — негласное, конечно — разрешение принимать на работу тех представителей науки, в чьей биографии было «пятно», то есть пребывание в плену либо на оккупированной территории и даже принятый в 1930-е годы срок. Именно так в Пермь и попал мой дед с семьёй, в которой была моя мама.

? Что за «пятно» было на нём? Вообще, расскажите подробнее о семье — где ваши «корни»?

— О, у меня замечательная семья!

Мой дед всегда блестяще учился. Образование далось ему непросто:

